

Э. Ф. ГОЛЛЕРБАХУ

16 июля 1915

Спасибо.

О пантеизме: бреду раз по улице — и мелькнуло: мир (Бог?) «строгая ли жена» или «так, девчонка, ко всем обращающаяся?». И меня так обняла красота и одного,— Вы знаете это «строгая, целомудренная жена», с особым ее величием, с особым ее достоинством, и — другого: что я заколебался, «заспешил в душе» и почти стонал:— не знаю! не знаю!— и в тот миг (когда шел по улице)— склонился к красоте «всеобъемлющей девчонки». Вообще можно мир и так думать, и так.

«Мистические угадания» (у Вас) — это верно. Именно — угадания.

«Что под пальцами — не знаю, а что-то есть». Так мы судим, сидящие в тьме. «Листьев травы» не читал.

За исключением фамилии (немецкая) — мне все в Вас нравится: письмо самостоятельное, сильное, и, думаю,— Вы «выйдете». В студенческом журнале «Вешние Воды» я печатаю — «Из жизни и наблюдений студенчества», — загляните туда.

Лучшее «во мне» (соч.) — «Уединенное». Прочее все-таки «сочинения», я «придумывал», «работал», а там просто — я.

Мне думается, лучше всего, если Вы приедете познакомиться сюда, на дачу — Вырица (Царскосельской дороги), угол Мельничного Проспекта и Среднего, дача 22 Соколовой.

Приезжайте утром, захватите Ваши статьи.

B. Розанов.

М. ГОРЬКОМУ

<Конец 1917>

Максимушка, спаси меня от последнего отчаяния. Квартира не топлена и дров нету; дочки смотрят на последний кусочек сахара около холодного самовара; жена лежит полупарализованная и смотрит тускло на меня. Испуганные детские глаза, 10, и я глупый... Максимушка, родной, как быть? Это уже многие письма я пишу тебе, но сейчас пошлю, кажется, а то все рвал. У меня же 20 книг, но «не идут», какая-то забастовка книготорговцев. Максимушка, что же делать, чтобы «шли». Вот, отчего ты меня не принял в «Знание»? Максимушка, я хватаюсь за твои руки. Ты знаешь, что значит хвататься за

руки? Я не понимаю, ни как жить, ни как быть. Гибну, гибну, гибну...

У меня — не напечатанных на 50 000 книг и только сколько-то сотен рублей долга в типографии... У меня зажилило и не заплатило ничего за 2-ой короб «Оп. листьев» «Лукоморье»; отнял — напечатав и не заплатив — М. В. Пирожков «Легенду об Инквизиторе» 3-ье издание и два тома «Около церковных стен». Что же это, со мной ведут милые речи, берут и уходят книгопродавцы. Я выехал в Сергиев Посад, Московской губернии, Красюковка, Полевая улица, живу за городом в сущности, чудная березовая роща, но... холодно, холодно. Максимушка, ну помоги, милый, помоги «вперед», помоги на «не знаю, заплатит ли». Господи, Господи, Господи. «Вскую Ты оставил меня еси». Вспомни, мы переписывались с тобой из Капри, и ты был счастлив, и я был счастлив, и я тебе писал как равный к равному, думаю: «Максимушка — и все так хочет получить «Ириная Лионского» и «Историю» Голубинского через меня». Ах, хорошее было время, и хорошо было писать: Капри — Massimo Gorky. А теперь... Теперь, теперь, теперь...

Максимушко, ну — милый, ну дорогой: воспользуйся, сделай что-то. Ну, что — я не знаю. Ведь я же талантлив. И сдумой. Вот посылаю тебе отрывочек, для «Нивы». Пусть Корней Иванович прочтет, оценит.

Да, вот мысль: не возьмет ли меня Корней Иванович для «Нивы»? Я мог бы печатать «Из детской жизни». У меня есть эта фантазия, и вообще есть кое-что. Одна дочурка написала мне такое волшебное письмо про «полевые работы в Рязанской губернии» и что ты, папа, «не беспокойся, что монархия прошла», что я читал и плакал и восхищался чисто литературным восхищением. Вот что, Максимушка; сперва — насыщение, на голод ничего не придумывается. А потом мы придумаем. «Розанов еще никого не обманывал своим обещанием». Максимушка, Максимушка: поговори с Румановым (он очень добрый ко мне — удивительно) и с Корнеем Ивановичем. Вот вы есть три, и любите меня, знаю: спасите же меня САМИ КАК ЗНАЕТЕ. Вот что: нельзя ли взять для «Приложения» в «Ниву», например, «Итальянские впечатления». Эта книга разошлась 1-м изданием и в 1-ый год дала чистого дохода 1 000 рублей... О, как я говорил тогда басом. Басом — а ведь у самого тенор. Ну, Максимушка. Сергиев Посад, Московской губ., Красюковка, Полевая улица, дом Беляева, В. В. Розанову. Денежный пакет со вложением... Дорогой, я смеюсь, но это не цинизм. О, не цинизм.